Юрий Белойван

Муха

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Юрий Александрович Белойван

Муха. Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42648917
SelfPub; 2019

Аннотация

Основу книги составляют философские рассказы, затрагивающие различные сферы жизни современного человека. Их герои, как правило, успешны, многое повидали и многого добились в жизни. Но, преодолев длинный и трудный путь к благополучию, они приходят к пониманию того, что материальное богатство – эта не главная цель, гораздо важней оставаться в гармонии с собой, своим внутренним миром. Делать то, что хочешь сам, а не то, чего от тебя ждут. Для многих в наше время это окажется сложным. Основные ценности – честность – прежде всего, перед самим собой,– и верность данному слову.Содержит нецензурную брань.

Содержание

Муха 4
Завод, или отпуск 8
Воспитание 31
«Машина Времени» (Химик) 58
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Муха

Наступил вечер. Мы ехали из Вологды во Владимировку. Садилось солнце, начинался один из северных закатов. После молнии атмосферное явление, именуемое в блатном простонародии закатом, было для меня самым впечатляющим зрелищем.

Целый день в голубом небе без устали светило солнце. И лишь на считанные минуты оно пряталось отдохнуть за облаками. А вечером, как это здесь бывает, облака набрали силу. Сначала это было просто красиво, потом очень красиво. И вдруг в одну секунду небо сделалось поразительно ужасным. Оно стало черным сверху. Без верхнего света земля, поле, лес сделались тоже черными. И лишь узкая полоска между небом и землей каким-то чудом оставалась светлой. От черноты туч и земли она казалась ярко белой. Ее жестоко наискось рассекали линии дождя. Пейзаж из радостно-попсового превратился в декорацию фильма ужасов. Видно, испугавшись этого фильма, в салон влетела муха. Такая молодая и жизнерадостная муха. Из тех, которые сначала делают, а потом думают о последствиях. Она, радостно жужжа, залетела в салон, благодаря своих богов за то, что они послали ей укрытие от непогоды. Она наслаждалась, ей еще не приходилось передвигаться со скоростью 150 км/час. Непонятная сила притянула ее к лобовому стеклу. И она с ин-

тересом разглядывала летящий навстречу пейзаж. Темнело быстро. Вдруг легкий еле заметный щелчок привлек ее внимание. Она посмотрела в ту сторону и в ужасе зажмурилась. С внешней стороны стекла на нее смотрела почти такая же муха. Вернее еще секунду назад до щелчка она была такая же. А теперь смотрел один глаз, а все, что было мухой еще секунду назад, размазалось по стеклу. Как на уроке биологии были видны все внутренности. Голова раскололась, и содержимое вылетело на стекло. Муха словно видела свое отражение. Интересно, понимала она или нет, что не влети она в окно, могла точно также размазаться по стеклу.

На дворе стемнело, включились фары и на свет рванулись сотни насекомых. Ей показалось, что забарабанил мелкий дождь. Это и был дождь, только вместо капель были тела ее соплеменников. Они разбрызгивали свои внутренности. Цвета были от красного и коричневого до желтого и зеленого. И чем быстрее двигалась машина, тем чаще и страшнее барабанило по стеклу. Она не могла смотреть на это и закрыла глаза. Но от каждого близкого удара открывала их непроизвольно, и каждый раз содрогалась от увиденного. Иногда включались щетки, и лилась вода. Но становилось только хуже. Щетки были от дождя и грязи. Уборка трупов им была не по силам. Они размазывали остатки по стеклу. И оставляли более четкие густые следы в месте встречи жертвы и убийцы.

– За что они нас убивают? – думала муха, – От нас им нет никакого вреда. Мы едим то, что бросили они. Мы не убива-

ем тысячами ради того, чтобы доехать из пункта А в пункт Б. Она жалобно зажужжала: «Выпустите меня, я не могу на это смотреть!». Ехать было около двух часов. Бойня не прекращалась ни на секунду. Убийцы сидели и дружно чему-то радовались. Им нет дела, что за окном гибнут живые. Они решили для себя, что насекомые просто не нужны. От них один вред. Они лишь загрязняют лобовое стекло.

– Какой же бред лезет в голову, – подумал я. Не хватало начать думать, как муха. На самом деле ехать было невозможно. Из-за разбившихся о стекло насекомых не было ни фига видно. Я остановился, взял скребок с губкой, воду и стал мыть стекло. Через пару минут следов побоища не осталось. Лишь в некоторых местах, куда попали особенно крупные экземпляры, виднелись какие-то точки. Я сел за руль и мы помчались дальше. Очень не люблю ездить в темноте.

Муха сидела на месте она уже не была той беззаботной дурой, полтора часа назад впорхнувшей в открытое окно. Вид убитых соплеменников ее уже не волновал. Она уже постарела, или мне показалось. Стало ее жалко, я открыл окно и выпустил. Сначала она как бы не хотела вылетать, наверно не понимая, как будет жить после увиденного. Я подумал: «Вот сила воображения – стал не место мухи и приписал ей все человеческие чувства и переживания». А вдруг все они живые, думают и чувствуют как мы? Ведь считала когда-то белая расса, что все остальные не обладают ни душой, ни чувствами. И если мухи вредны для людей, и их нужно уни-

чтожать, то, как люди вредят всему живому, и что делать с людьми в таком случае.

Мимо проплывал Череповец, как бы подтверждая мысль, что человек самое вредное насекомое. Трубы заводов закрыли горизонт, наполняя смрадом и копотью все вокруг. Я представил себя посаженным внутрь какого-то движущегося объекта:

Я сижу у лобового стекла. Мы несемся на огромной скорости по какому-то городу и крушим все на своем пути. Вдруг я слышу щелчок с внешней стороны и вижу человека. Такого же, как и я. Вернее, таким же он был секунду назад до щелчка. От удара он размазался о поверхность, руки его изломаны, внутренности разлетелись по стеклу. Голова превратилась в кашу из волос, каких-то черепков и серой массы. И лишь глаз, самый нежный и хрупкий орган, смотрит на меня сквозь обшивку с любовным интересом. Объект набрал скорость и по обшивке забарабанил дождик … .

Я вернулся. Шел дождь легкий и теплый. Мы ехали одни на трассе. Не было машин ни впереди ни на встречу. Я старался не смотреть вправо. Из-за карточки тех. осмотра на меня еще долго смотрел одинокий глаз.

Завод, или отпуск

– Ну, все, хватит! Почему, когда возникает идея, выходящая хоть за какие-нибудь рамки, всегда находится тысяча причин не воплощать ее в жизнь? – Андрей выходил из тур фирмы с десятком буклетов в руке.

– Ну почему? – Думал он, – все фирмы предлагают совершенно одинаковый отдых. Одни и те же поездки… Зачем тогда нужны разные фирмы, если можно ходить в одну? Те же острова… Три десятка туристических стран со стандартными наборами. Лыжи, рыбалка, дайвинг… Все надумано и очень по-идиотски.

Андрей дошел до машины, открыл дверь и сел за руль. Механически полистал одни из проспектов и с отвращением бросил на заднее сиденье.

– Уродство. Отпуск – это фантазия, путешествие и все, что с этим связано.

Идея своего отпуска возникла у Андрея очень давно. Уже лет пять, а может шесть, он хотел устроить «путешествие во времени». Для этого не нужна ни машина времени, ни какие-то фантастические чудеса. Когда-то давно Андрей работал простым рабочим на заводе. С тех пор прошло лет 20. И вот идея пришла сама. Пойти на завод и устроиться рабочим на месяц вместо отпуска. Только все должно быть по-настоящему. Та же комната в комуналке или такая же. Ни-

каких мобильных. Жить на зарплату и общаться с «такими же» рабочими.

Что в этом необычного? Может и ничего. Но если вспомнить, кем сейчас был Андрей… Это 20-ть лет назад он носил дурацкие румынские кроссовки, поддельный LEVI'S и жил на зарплату 160 р. Еще он пил портвейн по 2^{90} руб и водку по 4 руб. Он ходил в столовую. Иногда в получку они бригадой ходили в кафе. Кончалось все дракой, милицией. Все было как у людей. Потом служил в армии и опять работал на том же заводе.

Уже потом он занялся коммерцией. Шли годы, и теперь он был простым русским миллионером (при чем не в рублевом эквиваленте). Был бизнес, была квартира в центре Москвы и дом на Рублевке. При этом Андрей Николаевич никого не убил и не ограбил. Он ни от кого не прятался и мог жить без охраны. Все было замечательно. Но мечты сбылись, и мечтать было не о чем. Даже поездки, которые Андрей так любил когда-то, не радовали, и отпуск в место радости приносил раздражение. Ну уж очень все было как у всех. А когда так, то какая разница портвейн с водкой или яхта в Сан – Тропе?

Захотелось в детство или, в крайнем случае, в юность. Он даже ездил в Берлин, там служил в армии в 1984 году. Но части не было, а казармы, как потерявшие оборонительное значение были снесены немецко-фашистскими товарищами.

– Да! – Подумал тогда, – части, трех тысяч солдат, танков,

пушек и всего остального не было и в помине. А вот гаштет (немецкая забегаловка) так и стоял на том же месте. Немецкий общепит оказался мощнее Советской военной машины и самого СССР.

Он тогда сильно напился и снял какую-то проститутку – их в Берлине полно. Она была из Украины, ее отец был полковником в отставке. А может, врала. Он не помнил, как ее звали, да и какая разница. Папа полковник, полком командовал.

– Может моим? – Думал тогда Андрей, – А сейчас дочурка за 100 евро обслуживает бывшего противника. Было смешно и грустно. Грустно не от того, что он трахал полковничью дочку, а от того, что от всего этого создавалось впечатление, что он прожил напрасную жизнь. Или большая часть этой жизни прошла зря.

Тогда пришла идея побыть не просто туристом, пользующимся всеми благами. Захотелось стать участником, как это модно сейчас говорить, «полное погружение».

Тогда Андрей и придумал условия.

Снять комнату в этом районе (т.е. в районе завода), чем хуже, тем лучше. Второе – ничего не брать с собой из этой жизни (телефоны, деньги, одежда). Жить на одну зарплату (это ужасное папановское проклятье из знаменитого фильма). И честно общаться со своими товарищами по заводу. Если девушки, пускай они тоже будут из этого круга.

Все было очень просто. Но чем проще это выглядело, тем

сложнее решалось в практическом аспекте. Взять хотя бы телефон. Или месяц питаться в заводской столовой. О девках и говорить нечего. А выпивать с пацанами…

– Но ведь раньше и я был такой, – уговаривал он себя. А сколько было надежд и мечтаний. Заработать денег и поехать в Сочи дней на 20! Или, если совсем фантастика, в Болгарию на Золотые пески. На эти самые пески он так и не съездил. В Сочи был пару раз. Ничего особенного. Но тогда так мечталось! Были времена.

И вот в эту минуту сидя в своем БМВ за … лучше не говорить за сколько, Андрей решил окончательно: «Все, откладывать некуда». Свое дело сделала и эта дура из турфирмы. С каким же умным видом она предлагала ему поездки. Как расписывала красоты. Сама, наверное, кроме Испании и Турции не была нигде. А туда же:

– Всем нашим клиентам очень нравится этот отель!

Опять всем, рабочий класс, класс буржуазия. А жизни-то нет. Класс или толпа!

По дороге остановился у метро, купил «Из рук в руки», «Работа для вас», еще какую-то фигню, по которой пипл пытается судьбу устраивать.

Сначала посмотрел вакансии. Зарплата рабочего составляла примерно 7 000 руб. комната в заводских трущобах стоила 3 500 руб. На жизнь оставалось за минусом проезда 3 000 руб.

– Как же они живут на эти деньги? – Думал он.

– А если семья? А девку в кино сводить или еще чего? Раньше он работал на заводе «Борец». Но сейчас вместо «Борца» был оптово-вещевой рынок и офисный центр.

Все умными стали, – как-то зло подумал Андрей и сам себе рассмеялся.

– Ну вот, только собираюсь стать рабочим, а ненависть к буржуа уже проснулась.

Он поискал что-то похожее на свою доперестроечную специальность.

Было несколько вакансий, он записал телефоны. Потом была комната. Предлагали полные помойки, но цены «кусались». «На мою зарплату не разгуляешься», подумал Андрей и опять улыбнулся.

– Ты ее еще заработай! Пролетарий херов! Он решил, что может первые 7 000 рублей взять из дома, ну как бы он их уже заработал.

– И не пропил! – Опять стало смешно. Выбирал из нескольких вариантов. Чтобы метро рядом и все такое. Пришлось и на метро проехаться пару раз. Он тут понял, что не спускался под землю лет 10-ть, а может и больше.

Наконец ему подошел один вариант. В двух комнатах жила бабка, а третью метров 10-12 сдавала недорого. Долго смотрела то паспорт, то на Андрея.

– А зачем тебе эта комната? Ты что в такой будешь жить? – Недовольно спросила Бабка.

– Буду, – сказал Андрей и посмотрелся в зеркало. Надо

срочно переодеваться, завтра в отдел кадров. Он вспомнил, что видел на Ленинском «Секонд Хенд» из Европы. Очень еще удивился, кто это возит такую рвань.

Давно он не чувствовал себя столь высоким и значимым. Просто Бог спустился с Олимпа порыться в барахле. Правда мысль о том, что все это нужно будет одеть, уравнивала Бога в правах с остальными гражданами.

Выбрал полный гардероб от ботинок до шапочки с победительной запятой. Белье купил новое в какой-то палатке. С удивлением обнаружил, что можно одеться за сто долларов.

– И зачем работать? – Думал Андрей, заходя в химчистку. Носить это он будет, но выстирать не помешает.

Девушка из химчистки брала вещи из пакета брезгливо большим и указательным пальцами. Ее глаза не верили, что этот приличный с виду человек не шутит и надо все стирать и гладить. Она не выдержала:

– Чистка дороже вещей обойдется, – морщась, протянула приемщица.

– Теперь я знаю метод сделать гардероб в два раза дороже за два часа.

– Четыре, – сказала приемщица.

– Время – деньги, – сказал Андрей и засмеялся, но она не засмеялась вместе с ним.

* * *

В отделе кадров завода «Красный богатырь» не было ничего ни Красного, ни Богатырского. Сейчас стала ясной одна из главных проблем социализма. Проблема состояла в несоответствии лозунгов и названий реальной картине. Это сейчас, если «Гавана – Клуб», то даже официанты – настоящие кубинские мулаты, а в «Токио» – настоящие японские буряты. Не говоря о дизайне и прочих наворотах. Это еще с революции в красной, т.е. красивой по-русски, армии солдаты были оборванные, голодные и несчастные. И если первый шаг сделан неправильно, то и остальные правильными не будут.

Богатырь был тоже весь какой-то не правильный. Начиналось с входа и названия и заканчивалось продукцией, которую невозможно было продать ни в одной стране мира. Но выручали регионы, и что-то брали даже за деньги, а что-то по бартеру. И завод еще как-то существовал. Правда половина была сдана под офисы и какие-то производства, но этих денег никто или почти никто не видел. Все они оседали в карманах у заводского руководства. Обо всех этих мало интересных вещах думал Андрей, сидя в заводском отделе кадров.

Заводской «кадровик» разглядывал паспорт и трудовую книжку. Эту книжку Андрей искал часов пять, последняя

запись была в ней сделана в 1989 году. Завод «Борец» уволен по собственному желанию.

– И что с 1989 года вы ни где не работали? – Спросил кадровик и первый раз посмотрел на Андрея.

– Ну почему же, работал. Только не оформлял никто.

– Стаж прервал. Вы уже не мальчик, а как пенсию будете получать? – Продолжал гундосить кадровик.

«Пенсию!», подумал Андрей и вслух сказал:

– Мне всего сорок, еще заработаю на пенсию.

– Всего сорок, – не унимался товарищ, – не на ярмарку едете, а с ярмарки.

– Может мне место на кладбище забронировать? – Не выдержал Андрей. – У Вас на входе по всем специальностям «требуется», вам не нужны сборщики?

– Ладно, не надо волноваться, нервные клетки не восстанавливаются, – сказал кадровик, ласково улыбаясь. Было видно, что он очень доволен, что вывел этого из равновесия. Видно других развлечений (судя по костюму и плохим зубам) у товарища не было.

Он заполнил какие-то бумажки, что-то подписал и стал набирать номер телефона. Диск заедал и противно потрескивал. «Надо же бывают такие (это о телефоне). Ну, вот назад в прошлое». А кадровик добрым голосом сказал в трубку:

– Петрович. Привет. Как дела? Нашел тебе сборщика!

– Надо же, нашел. Я сам нашелся.

– С тебя бутылка! Все отправляю. Пока.

– Видно я ошибся, – думал Андрей, – есть еще развлечения.

А кадровик повернулся к нему и сказал:

– Значит, пойдешь в сборочный цех. Найдешь начальника Владимира Петровича Кравченко. Скажешь от меня. Понял?

– Понял, – сказал Андрей и подумал, – как быстро перешел на «ты». Ну да, он теперь начальник, а я сраный сборщик. Иерархия.

Территория «родного» предприятия напоминала декорации к фильму о войне. Что-нибудь типа «завод после бомбардировки». Все заросло крапивой и кустами, из которых по всюду торчали покореженные металлические каркасы какого-то оборудования. Разломанные ящики, еще какой-то мусор. На доске почета не было ни одного портрета.

– Видно все почетные вымерли, как мамонты. А новые не в почете.

Над облупленной серо-зеленого цвета дверью ржавела табличка «Сборочный цех».

Он открыл ее и запах, которого он не ощущал двадцать лет, хлынул на него из всех щелей. Пахло металлической стружкой, машинным маслом, резиновым клеем, краской и еще чем-то. Этот сложный аромат сразу напомнил о юности, все вспомнилось, как будто и не было двадцати с лишним лет.

Начальник цеха был по виду очень приличным мужиком. Что-то среднее между военным в отставке и коммунистом с

1905 года. Честь и совесть.

– Переживает, небось, за этот сральник. А поделать ничего не может. Только бы не жаловался на жизнь и новых русских.

Но Кравченко не жаловался. Он пожал Андрею руку.

– Очень рад. Сборщики нам нужны, никто не хочет сейчас на завод, – и добавил, – к сожалению.

Андрей хотел возразить, что, мол, другие времена и у молодежи изменились цели и возможности, но не стал. Нужно было погружаться. И он рабочий и не ему учить начальника цеха жизни.

Кравченко вызвал бригадира.

– Вот, Серега, принимай пополнение.

Серега мужичок лет пятидесяти оглядел Андрея очень критически.

– А Вы к нам надолго? – с издевкой спросил он. Андрей молчал. Врать не хотелось. А рассказ о том, что он здесь на месяц вряд ли пойдет на пользу.

– Ладно, перестань, – выручил Кравченко, – тебе человека даем, а ты сразу издеваться. Как сложится, – он подмигнул Андрею, но как-то грустно подмигнул, тоже не верил, что надолго.

– Они видно тут чувствуют себя как полярники на льдине. О которых все забыли, и нет никакого дела живы они или нет, – думал Андрей.

Серега познакомил его с бригадой. Их было восемь чело-

век. Считая его и Серегу, десять.

– Знакомьтесь, Андрей будет с нами работать.

– Он у нас единственный москвич.

Бригада была из лимитчиков. Жители столицы не желали работать на таких производствах.

– У нас еще ничего. Вон соседняя бригада – там одни уголовники. Их не берут никуда с судимостью, так они у нас перекантовываются. Развели понятия и все такое. Так что ты с ними особо не связывайся, – сказал Серега и Андрей понял, что тот на самом деле боится.

– Ладно, разберемся, показывай что делать.

Работа была не сложной. Нужно было прикручивать четырьмя болтами мелкую херню к херне побольше. Очень легко если не считать, что за смену нужно было скрепить этих херней аж триста штук.

Отверстия не совпадали, болты были без резьбы, в общем, полный совок.

Через три часа работы ему казалось, что позвоночник вот-вот высыплется в трусы, а дело только к обеду.

Перед перерывом к нему подошел Серега и еще два новых сослуживца.

– Ты как, пьющий? – Поинтересовались они.

– Ну да, – ответил Андрей.

– Порядки знаешь? Проставиться надо коллективу. Привальную, так сказать, – объяснял Вовик один из сослуживцев.

– У меня денег нет, – честно соврал Андрей, и ему стало очень, очень стыдно.

– Мы одолжим. В получку вернешь, – успокоил Вовик.

* * *

В обед они вышли за проходную в гастрономе взяли водки, колбасы и хлеба.

Андрей очень удивился все продукты образца 1989 года. Мечта начинала сбываться. Вовик налил полный стакан и хотел выпить первым. Но Серега посмотрел на него строго, и тот передал стакан Андрею. Тот понял, что отказываться нет смысла, взял и попытался вспомнить, как это делается. Не вспомнил. Давясь и пугаясь каждого глотка, выпил весь стакан. Казалось, что паленая водка вернется сразу, но она не вернулась. Закусил колбасой и плавленым сыром. Противное тепло разлилось сначала по желудку, а потом по всем частям тела.

– Ну, за прибытие! Сказали новые друзья, и выпили по стакану.

Толик, так звали третьего, тут же налил себе второй и сразу выпил.

– Мы на работу больше не идем? – поинтересовался Андрей.

– Я не могу не запивать, – улыбнулся Толик.

После «обеда» работать стало легче. Допинг на заводе

вещь не заменимая. Время летит быстрее, и дырки на хернях совпадают.

Правда, за смену Андрей не выполнил и трети плана, но Серега похвалил его.

– Ничего для первого дня нормально.

После работы выпили красного.

– Ты где живешь, – спросил Толик.

Андрей назвал бабкин адрес.

– Не пускай его ночевать, потом не выгонишь. Ему есть, где просто любит путешествовать, – сказал Вовик.

– Ну ладно давайте до завтра – сказал Андрей и пошел к метро.

В бабкиной квартире было душно и затхло. Андрей давно заметил, что в домах, где живут старики, присутствует какой-то свой, густой и специфический запах. Этот запах всегда ассоциируется со старостью и напоминает нафталин. С этим в новом жилище все было в порядке. Еще Галина Кузьминична так звали бабку, что-то готовила на кухне.

Когда лет сто назад она получала эти хоромы, вытяжек на плиты не ставили и запах старости, смешивался с запахом еды, и заполнял всю квартиру.

Когда он открыл дверь, первое что захотелось это уйти обратно. Но он решил открыть окна. Старуха запротестовала. – Да ты что, меня продует. Смерти моей хочешь?

– Не плохо бы! – Подумал Андрей и пошел в свою комнату.

– Есть не предлагаю, нечего, – скрипела Бабка с кухни, – купи чего, я приготовлю, а так нечего.

С едой были проблемы. В ресторане, где он обычно ел, заводской зарплаты за месяц, хватило бы на один очень скромный ужин без спиртного. Андрей с тоской вспомнил какое-то блюдо, и ужас охватил его. Еще 29 дней! Но что делать? Дал слово. Теперь отдыхай.

Конечно, воду отключили, была только холодная. Он кое-как помылся и лег на старый продавленный диван.

Не спалось. Тошнило от водки, красного и старухиных запахов. Перевернулся на бок. Вспомнил, как нервничал из-за того, что кто-то топает на верхнем этаже. Или еще из-за какой-то фигни.

В темной комнате улавливалось чье-то присутствие. Андрей не мог видеть в темноте, но он чувствовал, что на него кто-то смотрит. Смотрит внимательно и безотрывно. Заснуть под этим взглядом было невозможно. Нужно было разобраться на самом деле это все, или ему кажется. Андрей щелкнул выключателем торшера и внимательно посмотрел в угол, откуда, как ему казалось, кто-то следил за ним внимательно и неотступно. На табуретке в углу важно застыл таракан. Это был не какой-нибудь гигантский таракан, и он не сидел на табуретке, заложив нога за ногу. Это был обычный маленький тараканчик. Он, не «мигая», деловито уставился на нового жильца и лишь изредка шевелил усами. – Гадость какая, – подумал Андрей, – но какой тяжелый у него

взгляд…

Прогнать соседа сил не было, и Андрей провалился в чуткий сон алкоголика.

Ночью ему снилось, что он с бригадой отдыхает на Сейшелах, и там негде взять портвейна и водки, и они все бегают по жаре, ищут и так и не находят. И Серега жестко не доволен таким отдыхом.

– Разве это жизнь? – говорит он. – Какой же отдых без водки. Дерут с трудящихся втридорога, а выпить нет.

Утром в 6.30 зазвонил будильник. Сильно болела голова, и первая мысль была не идти ни на какой завод. С трудом поднялся, дошел до ванной комнаты и вставил голову под струю холодной воды. Стало немного легче, но только пока голова была под краном.

В метро его качало из стороны в сторону, и выйти хотелось на каждой станции. Ну, вот и она, родная проходная, что в люди вывела меня, – подумал Андрей.

На скамейке у входа сидели Вовик и Серега. Увидев Андрея, Серега молча достал бутылку пива из пакета, – Холодное. Больше ничего не сказал.

Пиво помогло, и Андрей дал себе слово сегодня больше не пить ну или не смешивать такие несовместные напитки.

Целый день он опять собирал свои детали, и дырки на них постоянно не совпадали с болтами. Мимо проходил Кравченко.

– Как дела? Обживаешься на новом месте?

– Ага, – ответил Андрей. – А скажите эти дырки они, что специально так сделаны, что бы собрать было невозможно.

– Просто с годами пропадает чувство дырки, – сказал начальник, делая ударение на слове, дырка. И весело так по детски засмеялся. – На самом деле все у нас через попу. Система.

– Понятно, – сказал Андрей. – Просверлить отверстия по месту, система виновата. Может президенты или олигархи?

– Может и они. Я не знаю, – начальник задумался.

После смены выпивать не ходил.

Как они могут вот так каждый день? Это сколько здоровья нужно?

После работы поехал прямо домой. Зашел в квартиру и улегся на свой диван. Он сделал для себя открытие. – Оказывается тупой монотонный труд в сочетании с ежедневным пьянством, отшибают все мысли. Вот так и лежал, тупо глядя в потолок.

Дверь открылась, кто-то вошел в прихожую.

– Андрюша, ты дома? – позвала Галина Кузьминична. Отвечать не хотелось, и он отвернулся к стене.

– Жильца я пустила. Комнату сдаю. Видно не пришел еще. Вот и хорошо, – слышался бабкин голос.

– С кем это она? – нехотя подумал Андрей. Затем все стихло. Но через минут двадцать послышались какие-то звуки и пыхтения. Андрей прислушался. Звуки были знакомые.

– Этого не может быть! Ей же лет 65, а может больше, –

пронеслась догадка.

Он тихо подошел к двери приоткрыл ее и выглянул в коридор. В старой бабкиной квартире двери были со стеклами. Сейчас таких не делают. Стекла были прозрачными. Вот через это стекло Андрей и увидел. Лучше бы не видеть.

Старуха то ли лежала, то ли сидела в кресле, неестественно задрав и расставив ноги. Старческие полиартритные пальцы на ногах, были растопырены и то сжимались, то разжимались в такт движения, которые производил мужичок бомжовского вида, пристроившийся сверху этой конструкции.

Галина Кузьминична была к тому же в чулках на поясе. Не в таких, как сейчас носят. Ее пояс и чулки были ровесниками дверей квартиры и не выпускались лет тридцать. Андрей даже не поверил сразу. Подумал, заснул, и это ему приснилось…. Его затошнило хуже, чем от красного с водкой. Он быстро вернулся на диван.

Бомж пропыхтел минут с двадцать. Во всяком случае, Андрею показалось, что целую вечность.

– Ни фига себе, – думал он, – дерет старуху по полной программе.

Воображение тут же выдало картинку, от которой опять затошнило. Поэтому идти проверять, как там у них на самом деле, не захотелось. Было еще и крутое прощание: «Держи бутылку и давай, а то квартирант вернется», это старуха. «Маманя, деньжат бы рубликов сто. А?», это бомж.

– На, и иди, – дверь захлопнулась.

– Такие дела – думал Андрей – бутылка, да стольник, и бомж из-под гастронома утешит старушку. А она ничего еще, – пробовал он шутить, но не получалось – вспомнил пояс широкий в пол метра с такими уродливыми железно-резиновыми пристежками.

На следующий день по дороге на работу толи от вчерашнего порно, то ли природа брала свое, он вспомнил, что не занимался этим неделю или больше. Подготовка, устройство на работу – завертелся, упустил.

У него были женщины, ну знакомые для романтических непродолжительных встреч, но вряд ли стоило им показываться в таком виде. Решил познакомиться в метро или на улице. Вспомнил, что если смотреть долго женщине в глаза у нее вырабатываются гормоны влечения – это он читал где-то.

– Чего вылупился придурок? – услышал он в ответ на свой опыт. Услышал и понял, что совершенно разучился завязывать подобные знакомства. Вернее завязывать их подобным образом. Когда одет и обут, деньги, машина – другое дело. А когда так, просто? Нужно учиться по новой.

Он попытался вспомнить, как это было в детстве, вернее в юности. Ничего такого не вспомнилось почему-то. Спросил у Сереги, ну где они берут женщин, когда не пьют. Серега выслушал внимательно.

– Жениться Вам надо, барин, – и заржал как конь. Андрей сделал вид, что обиделся. Он и на самом деле обиделся.

– Да ладно, Андрюха. Вроде нормальный пацан, а спрашиваешь такую херню. Вон их ходит по улице миллион. Ты что с луны свалился? Где берете? Прикол!

– Да, тут ничего не добьешься – решил Андрей и оставил пока эту тему.

Шло время, он работал. Иногда выпивал с сотрудниками. Прошло уже две недели его «отпуска». Он привык вставать рано. Привык к запахам в квартире. Привык к плохой еде. Иногда ему казалось, что его настоящая жизнь никакая не настоящая и на самом деле ему приснилось. Он даже поехал в центр и прогулялся возле дома. Как же хотелось зайти помыться, сходить и поесть нормально. Но он держался и уважал себя за это. Ему помогала уверенность, что если он продержится, как же круто тогда он вернется.

На работе и знакомым он сказал, что в командировку за бугор на месяц. Телефон там работать не будет. Если что позвонит сам. Один раз даже звонил – там в той жизни все было нормально.

– Слушай, Андрюха, – позвал его как-то Серега. – помнишь, ты про баб спрашивал?

– Ну, – ответил Андрей, ожидая очередного подвоха.

– Есть тут одна. Катькой зовут. Видела тебя. Кто да что? Могу познакомить.

– Покажи сначала, – сказал Андрей, вспоминая эротическую сцену в комуналке.

Катя оказалась очень симпатичной девушкой. В той жиз-

ни он на нее даже не посмотрел бы. Андрей принадлежал к категории встречающих по одежке. А по дресс коду она не проходила. Но теперь другое дело. Было время рассмотреть. У нее были удивительные губы. Она почти не пользовалась косметикой. Она была другой. Это была просто она. Приходилось какой-то родственницей Серегиной жене. Он, оказывается, был женат и у него двое детей. Чем он их, кстати, кормит?

Они познакомились. Гуляли вечерами. Андрей старался много не говорить. И она тоже больше любила слушать. Так и ходили молча.

Она училась где-то на заочном, ей учеба не нравилась, еще больше не нравилось о ней говорить. Однажды они гуляли вечером после работы. Мимо проехала БМВ. Такая же, как у Андрея.

– Вот бы прокатиться на такой, – сказала Катя. – От куда у людей деньги?

– У меня такая же – гордо сказал Андрей. А она засмеялась.

– А почему же ты на завод на метро ездишь? Представляешь ты к проходной подъезжаешь на БМВ и идешь гайки крутить!

В ее словах не было издевательства или насмешки, ей просто было весело. Он тоже засмеялся.

– Так вот разведчики и проваливаются, – подумал он.

Пару раз он обнимал ее. Как-то попытался поцеловать.

– Женись сначала! – сказала Катя и засмеялась тем смехом, на который нельзя обижаться. Так вот ничего и не было.

* * *

И вот в день, когда он уже совсем привык к тому, что он рабочий Андрей вдруг вспомнил, что завтра последний день его отпуска.

Ура! Ура! Ура!

И что дальше? А ничего. Вернется домой. Вернется в ту жизнь. Удивительно, но он начал всерьез воспринимать свое теперешнее положение. Его волновал даже вопрос о том, кто же будет собирать его фиговины. Его. Но каждый отпуск когда–нибудь заканчивается.

И вот он вернулся. Искупался в нормальной ванной, надел свою одежду и поел в нормальном ресторане. Как-то случайно поймал себя на мысли:

– Вот бы ребята его сейчас увидели.

Он не стал увольняться и забирать трудовую, не стал ни с кем прощаться.

Эти люди не поняли бы его. Они ведь жили этой жизнью, и рассказать правду. Зачем? Он передал записку «Срочно уехал в другой город. Не поминайте лихом. Андрей».

Вернуться было здорово. Все, что он не замечал до этого, прямо засверкало перед глазами. Как-то он входит в лифт, а там мужичок с другого этажа.

– Не люблю я наш дом. Фигня! Вот сейчас дома строят, другое дело, – затараторил он.

– А ты комуналку сними в Бирюлево и поживи месяцок. Вернешься, полюбишь! 100 % гарантирую.

Мужичок непонимающе уставился на Андрея, – тот вышел из лифта.

Месяца через четыре он вышел у метро купить газету. Когда шел к машине, сзади его позвали:

– Андрей?

Он оглянулся. Это была Катя.

– Здравствуй Катя, – сказал он, как школьник, пойманный на списывании контрольной.

– Ты приехал? А я смотрю, ты не ты. Не узнать тебя.

Они шли по тротуару. Дошли до машины Андрея. Черный БМВ 7-й серии сверкал на обочине.

– Садись. Прокачу, – сказал он. Хотел весело, но не получилось почему-то.

– Спасибо. Не надо, – с грустью сказала Катя и медленно пошла к метро.

Потом она остановилась, повернулась и сказала:

– Я никому не скажу. Прощай. – И убежала под землю.

Ему хотелось догнать ее и все объяснить. Это ведь так просто объяснить все человеку, который тебе нравится. Но чем проще задача, тем сложнее решение. И всегда найдутся тысячи и миллионы причин не поступать так, как считаешь нужным.

`

26.12.2005 г.

Воспитание

– Да полная это ерунда, – сказал, вернее, почти прокричал Вадим, мужик лет 50-ти, сидящему рядом в машине товарищу.

– Есть люди. Одним дано все, другим дано, но меньше. И есть третьи, их большинство, им ничего не дано. Они всю жизнь работают за пропитание. Они даже жопу газетой до сих пор трут – на бумагу туалетную у них денег не хватает.

– Я понимаю. Твое мнение основано на жизненном опыте, – ответил Сергей, сидящий рядом товарищ 39 лет. А жизненный опыт – дело простое. На Феррари ездят 0,001 % населения, а может меньше. На Мерседесе и тому подобном 20 %. Остальные ездят на метро, троллейбусах или автомобилях, особо не отличающихся ни комфортом, ни престижем от трамвая. И поэтому ты решил, что избранники судьбы одни, а проклятые другие.

– Ну, я так не говорил, – возразил Вадим, – но доля правды есть в таком делении.

– Это деление говорит о доходах трудящихся, а не об их возможностях, – не сдавался Сергей, – ты сам то не ездил на метро? А вот туда же – SUPER STAR! – Он насмешливо поклонился товарищу, – с каких это пор Вы, сэр, засверкали на небосклоне и стали делить людей по сортам? – не унимался Сергей. – Получается, пока ты ездил на метро, тебе было

не дано, а перестал и все.… Не судите и не судимы будете! Помнишь? Это ведь не из уголовного кодекса.

– А, по-твоему, получается, каждая домохозяйка, может управлять государством? – с усилием выговорил Вадим.

– Нет, Вадик. Я просто говорю о том, что не нам с тобой «интеллигентам» в 0,5 поколении рассуждать о судьбах человечества, – засмеялся Сергей.

– Ну а как же все получается? Объясни, если ты такой умный.

– Как получается, я не знаю, но у меня есть версия: нет в жизни проклятых, т.е. 100 % – ных неудачников. Жизнь – это не джунгли, как считают некоторые. Это бесконечные залежи возможностей. Это уже сами люди превращают эти возможности в использованные или не использованные. Способности есть у каждого человека, просто люди разные.

Я разделяю человеков так. Есть люди, их очень мало, если встретил такого – считай, повезло. Они понимают тебя без слов и никогда не ошибаются по отношению к тебе ни в плохую, ни в хорошую сторону. Их меньше чем тех, что на Феррари их 0,000001 % от человечества. Считай, это половина твоя вторая, не зависимо мужчина или женщина. Но это если повезет, мне пока не повезло.

Дальше. Есть люди, кому достаточно слов. Сказал ему один раз, можешь забыть. Их тоже мало – из тысячи один-два. Из них выходят, кто угодно, от президентов и нобелевских лауреатов до диктаторов и великих преступников.

Следующая группа – это мы с тобой. Ну, я надеюсь во всяком случае. Им, то есть нам нужно сказать и показать, тогда мы свернем горы и реки повернем вспять. Таких процентов 10%, не меньше. Из нас выходят руководители, бизнесмены и просто успешные люди.

Дальше большая группа их 30-40 %. Это люди, поддающиеся обучению другими способами, от высшего и среднеспециального до тренингов и ролевых игр. Вообще есть возможность включить их способность и выявить резервы.

Оставшиеся 50 % это люди, которые не поддаются цивилизованным методам внушения. Виноваты в этом не они. Просто с малого детства их приучили к палке и ремню. Тогда они все понимали. Но с возрастом бить их перестали, а новых методов не предложили. Вот с ними трудней всего. Труднее, если не пользоваться привычным для них методом. Трудно представить, как это делать с 45 летним мужиком или 50-ти летней дамой. А ведь хочется, если честно. Да им и самим хочется, вот они и напрашиваются. Правда, решаются воспитатели редко на крайнюю меру, вот, и живет пол России ниже уровня бедности. Но возможность имеет, вот что я хочу сказать.

– Значит, ты считаешь, – засмеялся Вадим, – нужно восстановить институт телесных наказаний.

– Не обязательно. Можно объяснить людям их проблему, правда, без мордобоя до них не дойдет, – засмеялся Сергей.

– Наверное, ты прав, – Вадим задумался.

– Я вот ремонт делал в квартире. Ну не такой ремонт покрасить, побелить. Свободная планировка. Проект. Целая стройка. Пол года делают. Год. Полтора! Конца не видно. И еще дерзкие такие. Грубить начали.

У Вадима стало злое лицо, и кулаки сжались.

– Вот я собрал их всех, принес кастет такой, знаешь, на пальцы одеваешь с шипами.

– Ну откуда мне, – засмеялся Сергей.

– Заканчивай. Вот принес я его, показываю им и спрашиваю. – Знаете что это такое?

Один самый борзый говорит, – НЕТ.

– Может, ты и как пользоваться им не знаешь?

– Не знаю, – говорит, а рожа уголовная. Ну, я показал. Два ребра сломал. Так они за два месяца закончили, и за деньгами не приходили, пока сам не позвал, даже не звонили.

– С точки зрения педагогики все правильно, – весело сказал Сергей, – а вот с точки зрения ауры дома – ошибка.

– Какой ауры? Хорош, прикалываться, – Вадим начинал злиться.

– Пословицу слышал: Посадить дерево, вырастить сына и построить дом? – Спросил Сергей.

– Ну, слышал, – ответил Вадим, – а причем тут ребра?

– С сыном и деревом тут все понятно, – продолжал Сергей, – А вот дом. Как думаешь, почему построить?

– Не знаю, расскажи, если такой умный.

– Видел когда-нибудь кассеты, музыку на которых запи-

сывают?

– Нет, а что это такое? Ты что, Серега, прикалываешься?

– Ну, так вот на кассетах этих пишут хром, металл и т.п. Магнитные волны оставляют типа следов на этом металле. Металл вкраплен в пленку.

– При чем тут квартира моя?! – Почти закричал Вадим.

– Не кричи. Я объясняю. В стенах дома тоже есть металл и его больше, чем на кассете. А человек – более сильный излучатель, чем магнитофон. Поэтому все дома хранят память о своих предыдущих хозяевах. Их болезнях, скандалах, смертях. Ты когда живешь в таком доме, принимаешь эту информацию на себя. Если ты слабый человек – можешь пойти по тому же пути. Например, хозяин дома умер от рака.

– Типун тебе на язык, – сплюнул Вадим.

– Когда ты строишь новый дом, в нем нет никакой информации. Он чист. Ты заходишь и сам очищаешься. Понял?

– Не понял!

– Когда ты начинаешь лупить рабочих в новом доме, информация о насилии остается на стенах, и ты уже не входишь в чистый дом. Уловил?

– Значит, пускай они пять лет строят?

– Значит, пускай пять! Тебе там жить. А то будешь жену или детей дубасить потом ни с того ни с сего. А на самом деле аура жилища называется.

– Слушай, а ведь, правда, – сказал Вадим. – Я все не доволен был: то не так, это не нравится. Пол поцарапан, плохо

стену покрасили. Решил пока не понравится, денег не дам. В квартире то шум какой-то, лампочки горят каждый день, из окна сквозняк, – полная лажа. А потом как-то летел я на самолете и книгу читал, что нужен во всем положительный настрой. Домой приехал, зашел в квартиру. Встал, на пороге и думаю, ну чего я парюсь, у меня самая лучшая в мире квартира. На второй день выдал деньги работягам. И все стало хорошо: лампочки не горят, дуть перестало, шумы пропали. А пол они мне за один день переделали и стену перекрасили. Теперь живу – красота.

– Ну, вот что и требовалось доказать. А то какая аура? Объясни, я не понял? Точно Вадим, таких как ты 10 % на планете максимум. Это я тебе как специалист психолог заявляю.

– Ладно, Серега, заканчивай. Пора. Вон он приехал, кажется.

В арку дома медленно и аккуратно въезжала БМВ X5.

– Точно, его номер.

Машина заняла место у подъезда, из нее вышел мужик в дубленке, по виду ему было лет 30, не больше. Он был огромным под два метра ростом и весил килограмм 120-ть.

– Он, – сказал Вадим. И они не спеша, вышли из своего Фольсфагена.

Мужик скользнул по ним взглядом и презрительно плюнул сквозь зубы. Вид учителя в очках и писателя с бородкой не вызвали у него ни интереса ни уважения.Он повернулся

к подъезду и уже сделал первый шаг, вернее он только собирался его делать.

В это время Сергей одним прыжком пролетел разделявшие его с великаном 3 метра, и, казалось, не сильно ткнул гиганта рукой в затылок. От этого касания мужик повалился назад прямо в руки Сергею, за ноги его уже подхватил Вадим. Через секунду великан был упакован в багажник Фольсфагена.

– Как раз, – сказал Вадим, закрывая багажник.

– Мерседес лучше, – не согласился Сергей, – туда двое наказанных входят.

– Этот еще не наказан, – опять не согласился Вадим. Они огляделись. В темном дворе ни ктоне заметил пропажу жильца.

– Отряд не заметил потери бойца! – пропел Вадим.

Они сели в машину и выехали на улицу. Несмотря на поздний вечер машин, было много. Их неприметный Фольсфаген выехал из города в густом потоке.

– Может, хорош, давай сюда, – показал Сергей на небольшой лесок в метрах в двухстах от дороги.

– Не, – сказал Вадим, он был за рулем, – Сказано 20 км от МКАД. А это 15-ть.

Они проехали еще пять километров, и свернули в посадку. Темнело быстро. Вадим остановил машину на небольшой поляне.

– Выйди, посмотри, – сказал он.

– Никого. Все нормально, – вернулся Сергей.

Они открыли багажник, человек лежал и не шевелился. Вадим склонился над ним. В эту секунду человек прыгнул из багажника и попытался схватить Вадима за горло. Но тот как будто ждал этого движения. Очень ловко он увернулся от рук нападавшего и не сильно (так казалось) ткнул в живот человека из багажника. Тот как подрубленный повалился обратно, хрипя и кашляя.

– Вам доктора покой прописали, – сказал он, особенно выразительно произнеся слова «доктора» и «покой».

Человек затих, и через секунду его не было слышно. Вадим с Сергеем выволокли его из багажника и поставили в свет фар.

В карманах кроме портмоне с документами и пачки сигарет с зажигалкой был ТТ и нож с выкидным лезвием.

– Настоящий бандит, – восторженно сказал Вадим, бросая содержимое карманов под БМВ. – Это ему не пригодится. Во всяком случае, пока.

– Чем это здесь так воняет? – Спросил Сергей. – Ты, что обосрался маленький? – обратился он к пленному. Тот молчал.

– Говорить разучился, – улыбнулся Вадим и снова ткнул мужика в бок. Тот со свистом выпустил воздух и сел на землю.

– Так кто у нас тут обосрался? – Спросил Вадим ласково.

– Я, – сказал шкаф. Казалось, он сейчас заплачет.

– Ну, надо же не немой! – Удивился Сергей.

– Но нам надо, что бы ты был не глухой. Слушай внимательно и запоминай. Двести тысяч ты должен вернуть до конца месяца. Если еще раз спрячешься, больше разговоров не будет. Свои причиндалы найдешь под машиной. Да еще что? – Он подошел к амбалу и не сильно ткнул его в лицо, после чего резко отскочил в сторону. Из разбитого носа струей брызнула кровь.

– Это тебе на память. И попутки тебя не подберут, россияне – народ аккуратный, салон пачкать не захотят. Прогуляешься тут не далеко до МКАД всего двадцать км. Подумаешь за одно над своим поведением.

Они сели в машину и медленно поехали к дороге.

Человек сидел на земле, хлопая глазами. Дрожащей рукой он размазал кровь по лицу и заплакал как большой обиженный ребенок.

По пустеющему вечернему городу не спеша, ехал серый Фольсфаген.

– Думаешь, вернет? – Спросил Вадим.

– Во всяком случае, будет стараться, – ответил Сергей. – Вот он как раз из 50 %, которым ролевые игры не помогают. Мордобой – для него лучшее средство воспитания. Слышал, как ревел.

– А где он деньги возьмет? – Спросил Вадим.

– Не знаю. Но думаю, найдет. У него все нормально, просто решил друга наколоть.

– Когда друзьям сужаем деньги, теряем мы и деньги и друзей, – Вадим поднял вверх указательный палец.

– Если вернет деньги, то и друга терять не придется, – улыбнулся Сергей.

* * *

– Вы зачем его били? – Спросил заказчик на следующий день. Он звонил по телефону и, судя по голосу, был очень не доволен. – Я же сказал поговорить и отвезти на 20-й км. А бить, кто вас просил?

– Это он вам пожаловался? – спросил Вадим.

– Да какая разница кто пожаловался? Мы учились в одном классе, и за 200 тонн Вы бы его еще убили.

– Большая разница, – ответил Вадим. – Задание было вернуть деньги. Ну и поговорить. Мы и поговорили. А пару пинков. Неужели вы думаете, он бы сам с нами поехал?

– Ничего я не думаю, – ответил заказчик. – Он деньги сегодня принес. Трясется весь. Нос переломан. Жалко смотреть.

– Ну, так вы и не смотрите, – голос Вадима стал смягчаться, – значит, деньги вернул. Очень хорошо. Когда мы можем забрать нашу долю? Я так понимаю, работу мы сделали.

– Да когда угодно, – сказал заказчик и повесил трубку.

Вадим положил трубку и сел на диван. Он сложил ноги по-восточному и взял в руки палку, что-то вроде «черенка»

от лопаты только на половину короче. Зажмурив глаза как бы в удовольствии, он начал ударять себя палкой по бокам и спине, иногда по бедрам, как веником в бане. Комната наполнилась глухими ударами, как будто кто-то бил в большой бубен. Поработав так минут 20-ть, он открыл глаза, и положил палку на стул.

– Серега, – позвал он.

Из соседней комнаты вышел Сергей.

– Надо съездить, деньги забрать за амбала с Ленинского.

– Вернул?! – Так быстро. Я же говорил, что таким только через мордобой доходит, – развеселился Сергей.

– Поедешь к клиенту за расчетом? Надо собираться. Есть одна работенка в Сургут надо слетать.

– Хороший город я был! Море, пляж, девочки. – Сказал Сергей серьезно. – Делать там что?

– Не купаться, это точно. Надо поехать с одним вором. Он поговорит разговоры, а мы так для подстраховки. Чтобы авторитета не обидел кто-нибудь.

– Там народ северный, беспредельный.

– Да, еще племянник его поедет. Набираться опыта, – ответил он на взгляд товарища.

С расчетом у заказчика проблем не было. Он четко выдал сто тысяч. Такой был договор. Меньше чем за половину Сергей с Вадимом не работали.

С авторитетом они встретились в здании аэропорта. Авторитет был кавказцем, на вид ему было около 50 лет, пле-

мяннику лет 20-ть. Ни Сергей, ни Вадим его раньше не видели. Знали, что он откуда-то из Дагестана и сидел за разные дела раза четыре или пять. В общем, почти всю сознательную жизнь. В самолете они сидели отдельно и почти не разговаривали. Он представился Ильдаром, а племянника звали Шамиль.

– Что делать будем? – Спросил Вадим у Ильдара.

– Ничего, Братан. Зайдем, поговорим. Выйдем и уедем, если все нормально будет.

Что будет, если все будет не нормально, Вадим спрашивать не стал.

В Сургуте их встретил земляк Ильдара. С ним был еще один паренек на второй машине.

– На двух поедем? – как-то чересчур радостно спросил Шамиль.

Все посмотрели на него как-то особенно внимательно.

– Ничего, – сказал Ильдар, – пацан первый раз.

Земляк оставил им свою девятку, сам сел во вторую машину и уехал.

Вадим сел за руль, Ильдар рядом, а Шамиль с Сергеем на заднее сиденье. На нем стояла синяя спортивная сумка. Сергей открыл ее. Там было два ТТ с запасными обоймами и АКСУ с одним магазином. Сергей взял один ТТ себе, второй отдал Вадиму. Автомат оставил в сумке, а сумку взял Шамиль.

Они ехали по грязной разбитой дороге, на въезде в город

Вадим остановил машину.

– Вы заходите со мной, – сказал Ильдар и посмотрел на Сергея и Вадима, – Шамиль, в машине ждешь нас. Если не выходим через пол часа, заходишь и по обстановке.

Еще через 15-ть минут они остановились у какого-то местного банка. Беспредельные северные пацаны оказались тремя ботаниками в очках и галстуках, они провели гостей в кабинет и предложили кофе. Один из них все время с опаской поглядывал на Ильдара. Вид двух московских интеллигентов не вызвал у них ни опасений и интереса.

Все сели за большой переговорочный стол. Трое хозяев во главе стола, Ильдар напротив. Вадим сел на стул у входа в кабинет и всем своим видом показывал, что разговор ему безразличен. Сергей остался в приемной:

– Я здесь обожду, – только и сказал он.

Хозяева сказали, что они вопрос не решают и ждут главного, который приедет с минуты на минуту. Через пару минут к входу подъехали два джипа, и из них вышли пять человек. Четверо молодых одинаково стриженных и одетых. Пятый был небольшой коренастый человек то ли кореец, то ли китаец. Все они зашли в банк. Двое остались в приемной, а двое вместе с корейцем зашли в кабинет.

Кореец поздоровался со всеми, сдержанно кивнув головой, но тут Ильдар встал со своего места и сказал:

– Саша?! Саша, так ты встречаешь старых друзей?

– Ильдар?! Правда, ты! – кореец весь расплылся в улыбке.

– Вот как встретиться довелось!

На глазах у всех плохой фильм про бандитов превратился в хороший фильм о встрече старых друзей.

– Ребята, – сказал кореец, – подождите меня в машине.

– А вы в приемной, – это он уже хозяевам банка.

Вадим подумал пол секунды, посмотрел на Ильдара, тот кивнул, и Вадим вместе с остальными вышел в приемную.

– Пройди в машину, – сказал он Сергею, – Скажи все нормально. А то молодой не разберется очень ему пострелять охота, – добавил он шепотом.

Разговор закончился минут за 20-ть. Кореец Саша предложил им обедать, но Ильдар отказался, сказал ехать надо поздно, дела. Судя по его довольному виду, вопрос был решен положительно. Когда сели в машину он сказал:

– Оставаться нельзя. Саша пацан хороший, но так спокойней.

– Спокойней, так спокойней, – согласился Вадим.

Темнело. Было очень холодно. Это в Москве зима – не зима, а в Сургуте зима была настоящей. Они приехали в Аэропорт и узнали, что по техническим причинам рейс задерживают до утра. Ждать в аэровокзале удовольствие ниже среднего, но делать было нечего.

Тут к Вадиму подошли двое.

– Мужик ты как, выпить хочешь? – Спросил один в ватнике и спортивном костюме.

– А с какой целью вы интересуетесь? – весело ответил он.

– Тут такое дело, – продолжал спортсмен в ватнике. – Я знаю, где спирт купить. У Вовика, – он показал на друга своего, – хата.

– А мы вам зачем? – спросил Сергей.

– У нас денег нет. А там 3-литровыми банками отпускают. Вы ребята московские, у вас деньги. Все равно рейс задержали.

Вадим посоветовался с Ильдаром и тот сказал:

– Лучше в хате с этими ханыгами, чем в аэропорту.

Они вышли на площадь перед вокзалом. Коля (так звали спортсмена) быстро договорился с таксистом. Свою машину и «инвентарь» Вадим вернул земляку сразу после встречи. Таксист как бы и не обратил внимания, что в машину сели шесть человек. Они вернулись в город, проехали пару улиц и остановились у обычного панельного дома. Коля взял деньги и через пять минут вернулся, нежно прижимая к себе целлофановый пакет по форме напоминавший 3 литровую банку. Когда машина подпрыгивала на ухабах, в пакете нежно побулькивало. Его товарищ молчал всю дорогу.

– Вовик он майором был, – сказал Коля, – воевал в Авгане. Он не много того, но спокойный.

Сергей недоверчиво оглядел двухметрового Вовика. Очень у того был суровый вид и мощная фигура. Такси остановилось у такого же уродливого здания. Сергей расплатился, и все шестеро новых товарищей зашли в подъезд.

Они зашли в квартиру на 4-м этаже. Вовик включил свет

на кухне. Со стола, испугавшись, толи света, а может Вовика, брызнули по углам тараканы.

– Я думал, их в Сибири нет, – поморщившись, сказал Сергей.

– Они есть везде, – философски сказал Коля. – Вам развавить? А то мы так.

– И мы так, братан! – Бодро сказал Ильдар.

Сергею показалось, что пустые глаза Вовика блеснули каким-то огоньком, и огонек этот был нехороший. «Может, показалось», подумал Сергей.

Они сели на кухне. Коля достал стаканы, шесть штук.

– Я не буду, – сказал Шамиль. У него был более сильный акцент, он выговаривал «нэ буду».

Вовик опять как-то напрягся. Или опять показалось. Разлили спирт. Коля налил воды из-под крана.

– Запивай, закуски мало.

На столе появился пакет с ирисками и пол буханки хлеба. Налил по пол стакана спирта. Все выпили не чокаясь.

Сергей пил спирт когда-то очень давно. Ему показалось, что раскаленный шар попал в горло, он еле удержался, что бы не выдохнуть. Не выдыхая, сделал глоток воды и «занюхал» хлебной коркой. Коля налил по второй.

– За знакомство, – сказал он.

Все выпили за знакомство. Тепло и какое-то расслабление растеклось по всему телу, и Сергей почувствовал, что хочет спать. Коля тоже клевал носом. Вовик не подавал признаков

жизни, и казалось, спал.

Сергей устроился поудобней в каком-то ужасном кресле и задремал.

Он не помнил, сколько спал. Разбудил его какой-то шум. Он открыл глаза и увидел картину, от которой подумал, что еще не проснулся. Вовик навалился всем телом на Шамиля и душил его подушкой, а Ильдар повис на нем как клещ и пытался оторвать богатыря от племянника.

Сергей сразу понял, что это ему вряд ли удастся. В долю секунды он оказался рядом с этой кучей. Аккуратно он отодвинул Ильдара и ударил Вовика в ухо. Тот отпустил Шамиля и рухнул лицом вниз на кушетку.

При падении его «треники» приспустились, оголяя большую белую волосатую задницу. От этого зрелища Ильдар изменился в лице и пристроился, сзади приспустив свои брюки.

– Ни фига себе праздник, – подумал Сергей и оглянулся на Колю. Тот спал, положив голову на стол. Шамиль поднялся с кровати, он еще тяжело дышал. И тупо оглядывался по сторонам. Было впечатление, что он еще не понимает, что произошло.

– Смотри, – сказал Сергей, показывая на дядю. Тот в это время пытался «пристроиться» к Вовику. Шамиль взял с трюмо банку крема «флорема» и передал дяде. У того сразу дело заспорилось, и он задвигался, как собака на заборе. Вовик задышал, и как показалось Сергею, задвигался то же.

Дальше он смотреть не мог и вышел на кухню.

– Полный пи-ц! – сказал он на вопросительный взгляд Вадима.

Следом вошел Шамиль.

– Любыт он эту дэла. На зонэ прывык. – От перепуга акцент у него стал совсем сильным.

– Видно он тебя за моджахеда принял спьяну, – сказал Сергей, – вот и хотел придушить. Хорошо, я проснулся.

– Да, хорошо ножа нэ било, – сказал Шамиль, – было бы два жмура сейчас.

Вошел Ильдар очень довольный.

– Кто-то будет? – Спросил он.

Все отрицательно замотали головами. А Ильдар только не понимающе пожал плечами.

Уже было утро. Они вышли из дома и поймали такси. Коля так и спал, а Вовик еще не оклемался.

– Сильно ты его вырубил, – сказал Ильдар. – Он хоть живой?

– Живой, – сказал Сергей. – К обеду оклемается.

Правда, теперь он не был так уверен, после того как Ильдар обработал Вовика. Хотел сказать об этом, но почему-то не стал.

В самолете они опять летели отдельно и больше не разговаривали. В Домодедово они попрощались и разъехались. Ильдара встречали. А их машина была на парковке. Всю дорогу до Москвы они проехали молча. Только подъезжая к

дому, Вадим не выдержал и сказал:

– Ну, ты прикинь. Дальше прошел такой набор выражений, что Сергей только посмотрел на партнера, комично подняв брови:

– Это жизнь, братан! – Попробовал пошутить он.

* * *

Настала зима. Не календарная, эта была уже давно и скоро должна была закончиться. Просто выпал снег и не растаял. Он лежал на деревьях, крышах домов, тротуарах. Снег был везде. Город из серого, грязного и унылого превратился в белый искристый и праздничный. Сергей выглянул в окно и подумал, что зимой на самом деле намного красивей, чем летом, если только зима эта настоящая.

Он вышел из дома, были какие-то дела в центре. У гостиницы Россия у него была встреча с клиентом. Из-за снега движение в городе почти остановилось. Машины еле двигались по сузившимся от сугробов и брошенных авто улицам. Сергей подумал несколько секунд и решил дойти пешком. Пути, было, минут сорок, а ехать не известно сколько. И Сергей выбрал известность, зашагав по скользкому тротуару. Пройдя Люсиновскую, он пересек Садовое и вышел на Пятницкую улицу. Прогулка доставляла ему явное удовольствие. Когда он вышел на Московский мост и увидел слева Кремль, прямо Собор Василия Блаженного, а слева здание

гостиницы Россия, прошло минут 25, не больше. Россия явно не вписывалась в Кремлевский ансамбль. Но видно архитекторы советских времен так не считали. Последнее время ходили слухи, что Россию снесут и что-то отгрохают. Но это уже тянулось не один год, а Сергею было без разницы. Собор Блаженного весь облепило снегом, и он стоял весь белый. Сергей вспомнил одну историю и засмеялся.

Как-то пару лет назад они с Вадимом решили осмотреть Московские достопримечательности. Взяли экскурсовода, начали с Кремля, Мавзолея – со всего того, с чего начинается «Родина». Оказалось Мавзолей работает и открыт для посещений. Когда они с Вадимом спустились и увидели вождя, громкий резкий голос крикнул на них:

– Не останавливаемся! Проходим!

Было так жестко неожиданно, что и возразить было нечего. Порядки. У Кремлевской стены они шли, медленно читая надписи на табличках. Тут были знакомые имена: Гагарин, Буденный, – и какие-то сталинские лауреаты, раньше о которых они и не слышали. Рядом был бюст самому Сталину. Какой-то холеный мужчина с жестокими холодными глазами положил на могилу большой букет гвоздик.

– Давай. Проходим, проходим, – не прерывая бубнящую экскурсию, прошипела женщина, экскурсовод. Она видно решила, что эти двое хотят бесплатно послушать ее тексты. И они опять ничего не возразили.

Дальше их водил собственный экскурсовод. Такая сопля

в штанах. В храме Василия Блаженного он начал рассказывать, что первоначально Храм был белый с золотыми куполами. И тут на него жестко наехала вахтерша. Она обвинила его во всех грехах и грозилась лишить его лицензии. Экскурсовод очень расстроился. Ему не удалось убедить грозную женщину, что он изучал какие-то там документы. Та не желала слушать, и он ретировался.

На улице он стоял задумчивый, на него было просто жалко смотреть.

– Да ладно, забудь! – Сказал ему Вадим.

Но тут радостная улыбка озарила лицо Эдика, – так звали экскурсовода.

– Ну конечно! Точно, как я сразу не понял! Я ей понравился, вот она и прицепилась! А я же не женат. Может вернуться? – Спросил он.

Сергей был совсем не уверен, что Эдик вообще может нравиться, но расстраивать его таким предложением не хотелось. И они с Вадимом только пожали плечами. Мол, сам решай.

– Ладно, в другой раз, – радовался Эдик, – как же я сразу не понял? – Не унимался он.

Сейчас Сергей увидел белый Собор, вспомнил Эдика и их экскурсию. Ему стало очень весело. Как там Эдик?

Клиент позвонил минут за десять до встречи и все отменил. Сергей позвонил Вадиму.

– Вот мудак! – Сказал Вадим. – Сам «давайте, спасайте»,

а потом берет и не приходит. Ненавижу таких.

– Слушай Вадим, если дел нет, я поеду на дачу, на пару дней? – Спросил Сергей. – А ты позвони, если что я телефон не буду выключать.

Вадим помолчал секунд десять.

– Ладно, поедь. Что делать будешь?

– На лыжах похожу. Посплю. Не знаю. Погода какая – в городе сидеть не охота.

– Ну, О.К. Позвоню, если понадобишься, – сказал Вадим и повесил трубку.

Сергей снова набрал номер. Трубку не брали, и он отключился. Сергей звонил девушке. Они познакомились еще осенью. Ее звали Вера. Она работала в какой-то фирме, но для него это было не важно. Она не спрашивала, чем занимается он, а он не вникал в ее работу. Знал, там что-то связано с Востоком. Вера и сама была какая-то восточная, небольшого роста, какая-то тонкая. Весила она, казалось, килограмм сорок. Но это тоже было не важно. Ему было хорошо с ней, и он звонил Вере.

Зазвонил телефон, это была она.

– Извини. Работа. Не могла взять трубку, – сказала она.

– Здравствуй, – сказал Сергей.

– Ой, здравствуй! – Сказала она и засмеялась как школьница. – Не поздоровалась! Вот такие люди в нашей стране занимаются культурой!

– Ничего. Я не заметил. Поедешь на дачу? – Спросил Сер-

гей.

– Вот так сразу! Строго спросила она, но голос выдавал, что она рада предложению. – С удовольствием. На сколько?

Она не была похожа на других женщин, которых знал Сергей. Всегда говорила просто без ломаний, да у нее было да, а нет, нет.

– Два дня, а может три, пока на работу не вызовут. – Ответил он.

– Хорошо сейчас отпрошусь и перезвоню! – Она положила трубку.

Он зашел в магазин купил какой-то еды и пару бутылок вина.

Вера позвонила минут через пятнадцать, она отпросилась, и они договорились встретиться.

Каждый раз, когда Сергей встречался с ней, у него, как в школе перед экзаменами, дрожали руки. И он боялся, что вдруг она не придет. Но когда она приходила у него, как будто вырастали крылья. Вера, казалось, этого не замечает.

– А может она на всех так действует? – думал Сергей. Както раз он пытался поговорить о Вере с Вадимом. Сказал, что познакомился с девушкой.

– Москвичка, или блядь? – Спросил Вадим. Конкретно так спросил.

Сергей на него не обиделся, но рассказывать ничего не стал.

Через час они с девушкой встретились на вокзале и сели в

электричку. Еще через час вышли на остановке. Начинался вечер. Дачу эту Сергей снял год назад. У него никогда не было своего дома, а эта дача стала его домом. Как только появлялось свободное время, Сергей приезжал в свой дом.

Когда осенью они познакомились, через неделю он пригласил ее, и она сразу согласилась. Ее не пришлось ни уговаривать, ни обхаживать. Просто, когда стало понятно, что это может случиться, она как-то внимательно и строго посмотрела ему в глаза. Потом выключила свет, и все произошло как-то само собой. Сергей не считал себя слишком опытным мужчиной. Сначала война, потом еще более трудные мирные годы, шутил он. Некогда было книги читать на эту тему. Но кое-что он видел. Ту ночь он забыть не мог, да и все последующие тоже.

На дворе стемнело. Сергей выглянул в окно. Красиво и странно смотрелись ярко белые квадраты соседских крыш на сером фоне зимнего вечера.

В доме был камин, и они затопили его. Дрова были березовые сухие и через несколько минут загорелись ярко и весело. Она села у камина, в доме еще было холодно. Но камин был не декоративный, и приятное тепло стало наполнять комнату.

– Хорошо вот так сидеть и смотреть на огонь, – сказала она.

Он подошел и обнял ее сзади. Стало хорошо и спокойно. А потом они ужинали и пили вино. И была еще одна ночь,

которою он тоже вряд ли забудет.

Утром ярко светило солнце. Но дом остыл за ночь, и вылезать из теплой постели не хотелось. Они решались еще около часа. Потом все-таки собрались, встали, оделись, взяли лыжи и поехали в лес.

Как ни здорово было в городе, но за городом зима была совсем другая. От мороза снег скрипел, трещал от лыж, стоял такой грохот, что закладывало уши. Но стоило остановиться, и наступала такая тишина, что казалось уши, перестали слышать.

Они проехали через лес. Это был даже не лес, а небольшая роща. За рощей была речка. Когда не было ветра, Сергей любил кататься по реке. Ровная гладкая поверхность была более твердой, чем в лесу и ехать по ней было приятней. Было еще рано, а солнце уже коснулось верхушек деревьев.

Вдруг из-за поворота реки с диким ревом вылетел человек на снегоходе. Он на бешеной скорости пролетел метрах в трех от них, и скрылся в облаке снега, оставляя за собой запах бензинового перегара.

– Сумасшедший, – весело сказала Вера.

– Мягко сказано, – подтвердил Сергей.

– Давай возвращаться, – сказал он.

– Давай, – также весело сказала Вера. От мороза ее щеки стали красными. На вид ей было лет пятнадцать.

Она засмеялась и обогнала Сергея. Он проводил ее взглядом и бросился в погоню. Через несколько минут он догнал

ее.

– Давай, кто первый до того дерева, – сказала Вера, показывая на большую Иву, склонившуюся над рекой и в мерзнувшую ветками в лед.

– Догоняй, – сказал он, и рванулся вперед.

Он так разгорячился, что не сразу услышал треск снегохода. А когда оглянулся, увидел, что оторвался метров на пятьдесят.

Вера ехала за ним и весело смеялась. Человек на снегоходе приближался с огромной скоростью. Он, наверное, опять хотел проехать очень близко. Но когда до Веры оставалось несколько метров, передняя лыжа его снегохода наскочила на что-то, и он со всей скорости врезался в спину девушке. От удара Вера пролетела метров десять и упала на лед. Снегоход перевернулся на бок, а человек повалился на снег.

Дальше все проходило как во сне. Сергей быстро поехал назад. Одного взгляда на Веру ему было достаточно, чтобы понять, что помощь уже не нужна. Слишком неподвижно лежало тело, и слишком неестественно подвернулась нога. Ее широко раскрытые глаза были испуганны и открыты.

Человек поднялся и пошел к Сергею. Его шлем слетел. Волосы были растрепаны. Он что-то бормотал.

– Я не специально! Я заплачу! Командир, мы все решим!

Сергей ощупал карман. Там лежал маленький Вальтер 1938 г. выпуска. Немецкий трофейный. Когда-то Сергея чуть не порвала собака, и с тех пор он брал его на прогул-

ки. Как-то Вера увидела пистолет, а он сказал ей, что он газовый. Даже предложил выстрелить, но она испугалась и не захотела.

Он вынул пистолет и, не целясь, выстрелил в человека со снегохода. Пуля попала в лицо. Человек упал на бок и замолчал. Сергей подошел к нему и перевернул лицом вверх. Один глаз удивленно смотрел на Сергея, а вместо второго было черное отверстие, заполненное кровавой кашицей. От человека сильно пахло кровью и перегаром. Сергей пнул тело ногой и пошел к Вере.

Он не смог подойти к ней. У него не хватило мужества посмотреть и в ее глаза. Он просто сел в снег и заплакал.

«Машина Времени» (Химик)

Так бывает, что в детстве все хотят быть исключительно космонавтами, врачами или лётчиками. Набор профессий не большой. А когда они вырастают, список этот расширяется, и люди становятся кем угодно. Сантехниками, поварами или официантами. Некоторые бандитами. Становятся дворниками или даже проститутками. И очень не многие становятся космонавтами. Проходят годы, и человек уже не вспоминает, кем он хотел быть. Он не помнит, что в шесть лет на вопрос, – Сашенька, а кем ты будешь, когда вырастишь? Гордо отвечал, – космонавтом. И все радуются и говорят: – Какой хороший мальчик!

И вот этот Сашенька в 40 лет не помнит ни о космонавте, ни о том каким хорошим он был мальчиком. Он думает о том, как бы его за очередную пьянку не выгнали из сантехников. И как это не редко случается, его берут и изгоняют. Изгоняют не просто, а с позором и волчьим билетом.

А вот Вове в этом смысле повезло. Не повезло прямо сильно. Но в целом всё сложилось удачно. В детстве он просто не хотел быть никем. И на подобные вопросы философски отвечал, – Собой! Чем приводил в глубочайшее замешательство родителей и их знакомых. Те качали головой и говорили, что у мальчика будет тяжелая судьба. Так было до 7 класса, пока не начали изучать химию.

Кабинет химии в их школе был на 4-м этаже, в дальнем крыле и до 7-го класса Вова даже ни разу не переступал его порог. Но когда начался новый учебный год и он 1-й раз вошёл в кабинет химии Вова понял сразу и бесповоротно. Он будет химиком.

На столько поразили его все эти колбы, реторты, пробирки и дистилляторы. Они сверкали в его воображении, даже когда Вова закрывал глаза. Говорил он только о химии и с нетерпением ждал следующего урока. Он первым записался в химический кружок и ни разу не пропускал занятия.

Ему было интересно абсолютно всё. Таблица Менделеева стала для него чем-то вроде карты полушарий для будущего путешественника.

Одноклассники стали звать его Вова-Химик. А он не обижался и читал учебники за 7-8-9-10 классы. На следующий год он начал программу первого курса института. Органическая или не органическая химия для него это не имело разницы, он знал о химии почти всё, и в десятом классе его уже звали просто химик. Его перестали интересовать игры. Он часами просиживал за книгами. Совсем не разбирался в музыке, моде, не смотрел кино. Девушки его не замечали, а он не замечал их. Если бы кто-нибудь другой, например, любой парень из их класса, вел себя также, все посчитали бы его странным. А на Вову-химика мало кто обращал внимание вообще. Все как-то быстро привыкли к тому, что он все время чем-то занят.

Была, правда, одна девушка – 100% жертвенность для перспективы на светлое будущее. Она уже с самого детства была готова быть «женой лейтенанта» с условием, что он станет генералом. Она даже водила Вову в театр. Как могла, пыталась доказать свою нужность, но не произвела на химика должного впечатления. Ее энтузиазма хватило на полгода, после чего она нашла себе новую жертву. А у него ни в ком не было потребности.

И такой феномен не мог остаться не замеченным, не так уж много людей в наше время могут увлекаться чем-нибудь. Его сразу приняли в институт, потом в аспирантуру, ему прочили большое будущее. Говорили, что к тридцати он станет академиком. И даже предполагали, что он изобретет что-то вроде нового химического элемента, никак не меньше. На меньшее не был согласен и сам Вова.

Но Вова заинтересовался темой малоизученной, и как говорили бесперспективной.

Теория его состояла в том, что все процессы, проходящие в организме человека ни что иное, как обычные химические реакции. Работа мозга, мышечные усилия. Рост или так называемый метаболизм всё это органическая химия. Человек настолько изучен, но почему-то несчастен. Существует условно некий гормон счастья, но на практике это не работает. Можно группой определённых препаратов вызвать у человека радость или так называемую эйфорию. И человек при этом будет уверен, что радуется сам. Другой группой препа-

ратов можно добиться противоположного результата и человек полезет в петлю, и будет при этом уверен, что туда погнали его проблемы и собственный выбор. В любом случае по ощущениям это будет выбор собственный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.